

ПАКИСТАН И АФГАНСКИЙ КРИЗИС

© 2016 г. В. Белокреницкий

В статье рассматривается современное экономическое и политическое состояние Пакистана, характеризуется феномен быстрого демографического роста, а также тенденции замедленного индустриального развития, увеличения миграции рабочей силы за рубеж. Прослежена тесная связь между недавней историей и нынешним положением в Пакистане и соседнем Афганистане. В статье обсуждаются сценарии возможного развития афганской ситуации. Автор делает вывод о вероятной дальнейшей деградации Афганистана и частичном охвате этим явлением Пакистана.

Ключевые слова: Пакистан, демографический спурт, глобализация, парламентско-военный режим, Афганистан, Талибан, Исламское государство.

Статья поступила в редакцию 09.11.2015.

Исламскую Республику Пакистан нередко относят к числу осевых в мировой политике. Она находится на стыке трех регионов – Южной, Центральной и Западной Азии и принадлежит к исторической точке зрения индийскому ареалу, а с религиозной – исламскому широтному поясу от Гибралтара до Синьцзяна. Хорошо известна роль, которую сыграл Пакистан в недавней истории соседнего Афганистана. В 80-х годах, после ввода туда советских войск, он стал для Вашингтона главным участником в опосредованной войне (*proxu war*) с Москвой. Следующее десятилетие ознаменовалось собственными инициативами Исламабада на афганском направлении. С середины 90-х годов Исламабад поддерживал движение Талибан. Добившись военных успехов в немалой степени благодаря Пакистану, талибы стремились ослабить зависимость от него. Они нашли еще одну опору в лице арабских радикалов и боевиков из Аль-Каиды, но связь с ними усилила их международную изоляцию и привела к разгрому. Пакистан же, присоединившись в последний момент, осенью 2001 г., к антиталибскому фронту, вновь превратился в партнера – посредника Запада.

Выполняя эту роль на протяжении полутора десятилетий, страна оказалась еще теснее, чем раньше, втянута в воронку афганского кризиса. Вместе с тем произошло усиление политических и опера-

тивно-тактических возможностей Исламабада на афганском направлении. Это хорошо увязывалось с традиционной нацеленностью Пакистана (прежде всего его военных кругов) на противостояние с Индией путем создания прочного тыла, “стратегической глубины” [1, с. 38].

По завершении вывода из Афганистана американских и натовских войск (полного или почти полного) позиции Пакистана во внутриафганском конфликте, скорее всего, усилятся, как, впрочем, и опасности, которые таит в себе вовлеченность в него. Одна из них связана с антагонизмом между Пакистаном и Индией, чьи военные, в частности ракетно-ядерные потенциалы, продолжают быстро увеличиваться, в то время как внешнеполитические интересы зачастую сталкиваются, проявляясь, в том числе, в соперничестве за влияние на Афганистан. Другая угроза обусловлена глубокой разделенностью пакистанского общества, наличием в нем межэтнических, межконфессиональных и межрегиональных трений и разломов¹.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОТУБЕРАНЕЦ

По последнему в колониальной Индии цензу 1941 г. население областей, составляющих сегодня Пакистан, равнялось всего 28 млн. человек. Образование на месте бывшей британской колонии в 1947 г. двух независимых государств сопровождалось массовой миграцией населения, и Пакистан в его нынешних границах (тогда это

БЕЛОКРЕНИЦКИЙ Вячеслав Яковлевич, доктор исторических наук, кандидат экономических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН, РФ, 107031 Москва, ул. Рождественка, 12; профессор МГИМО (У) МИД РФ, РФ, 119454 Москва, пр-т Вернадского, 76 (enitsky@yandex.ru).

¹ О кризисе наций-государств в условиях различий между культурно-цивилизационными сообществами см. [2].

был западный Пакистан, на месте восточного в 1971 г. возникла Республика Бангладеш) в итоге получил дополнительно около 2 млн. человек. С 32–36 млн. на рубеже 40–50-х годов прошлого века его народонаселение увеличилось, скорее всего, до 200–220 млн. к середине 2010-х, то есть выросло в шесть раз за менее чем 70 лет. Среднегодовые темпы прироста составили едва ли не рекордные в мире, во всяком случае в Азии, 3.0%. При этом, по официальным данным за последние годы, прирост равнялся 1.5–2.0%, а население оценивалось в 186–188 млн. человек на 2014 г. [3].

Расчеты исключительно высоких темпов демографического роста учитывают ряд косвенных данных и подкрепляются просочившимися в печать сведениями о незавершенной переписи 2011 г. Согласно им, численность жителей страны в том году уже достигла 192 млн. человек, увеличившись за 13 лет, со времени переписи 1998 г., на 47% (среднегодовой прирост – 2.8%) [4; 5].

Здесь следует иметь в виду особенности этнотерриториальной и федеративной структуры Пакистана. Большинство населения (около 60%) составляют *панджабцы*, расселенные в северной и центральной части стержневого для страны бассейна р. Инд и ее притоков. Пакистан является федеративной республикой, а Панджаб – крупнейшая ее провинция по числу жителей, накопленному богатству и экономическому потенциалу. Далее по численности идут *пуштуны* (афганцы), населяющие северо-западную горную и гористую местность, и *синдхи* – коренные жители южной части Индского бассейна (доля каждой из этих групп равна примерно 15%). Пуштуны расселены главным образом в провинции Хайбер-Пахтунхва (бывшей Северо-Западной пограничной), а синдхи – в сельских местностях провинции Синд. Население крупнейших синдских городов, прежде всего Карачи, состоит в основном из говорящих на языке урду *мухаджиров* (переселенцев из Индии после раздела 1947 г. и их потомков). В самой обширной по территории (40% площади страны) провинции Белуджистан проживают по преимуществу сохранившие во многом племенную структуру *белуджи* и ассоциирующие себя с ними *брагуи*.

Неофициальные итоги переписи 2011 г. поставили под сомнение оптимистические подсчеты пакистанских и международных демографических служб. Из опубликованных данных следовало, что численность населения возрастала быстрее всего в бедных и окраинных регионах страны – в Белуджистане (почти в полтора раза), на территории пуштунских племен и высокогорном севере.

Менее всего число жителей увеличилось в Панджабе (на 24%). Это обстоятельство, по всей видимости, и воспрепятствовало доведению переписи до конца. Признание ее данных официальными снизило бы долю Панджаба в населении страны с 60 до 55%, что могло сказаться на объеме получаемых провинцией федеральных субсидий.

Проведенные в мае 2013 г. парламентские выборы принесли безоговорочную победу партии *Пакистанская мусульманская лига* (ПМЛ), пользующейся наибольшей поддержкой в Панджабе. Новое правительство отменило данные 2011 г. и объявило о проведении переписи в 2016 г. Впрочем, нет уверенности, что перепись состоится в намеченные сроки, поскольку, по сообщениям печати, график выделения средств на нее уже нарушен [6].

Между тем неофициальным данным переписи 2011 г., как представляется, в целом можно доверять. Самыми быстрыми темпами растет в таких странах, как Пакистан, население окраинных, менее развитых и по преимуществу сельских районов, где выше бедность и нищета, неграмотность женщин, сильнее их приниженное положение при распространенности ранних браков и стремлении семей иметь перешагнувших детский возраст сыновей [7].

В таком случае Пакистан предстает исключением, неким протуберанцем на солнце демографических явлений. Вместо относительно низких и снижающихся показателей роста он демонстрирует почти неизменные во времени, существенно более высокие, чем средние по нынешним стандартам, темпы, выводящие его в число наиболее населенных стран мира. При сохранении наблюдаемых темпов роста к 2025 г. население Пакистана перешагнет порог в 250 млн., а к 2030 г. – 300 млн. человек. Обойдя Индонезию, он переместится с 6-го на 5-е место в мире и станет крупнейшей мусульманской страной. Экстраполяция нынешних тенденций (даже с корректировкой в сторону некоторого понижения скорости роста) выводит Пакистан к середине нынешнего столетия на четвертое место, вплотную за США².

В реальность таких прогнозов трудно поверить, однако эффект демографического протуберанца сказывается на социально-экологической ситуации уже сегодня. Количество потребляемой

² Более сглаженные расчеты темпов роста пакистанского населения предлагает А.В. Акимов. По “реальному” сценарию (с учетом ресурсных ограничений), население Пакистана превысит 300 млн. человек лишь ближе к 2050 г. [8, с. 41].

пресной воды в расчете на человека за почти семь десятилетий существования Пакистана сократилось с 5 тыс. куб.м. до менее 1 тыс. Мало того, потепление мирового климата грозит ему пагубными последствиями. Ускоренное таяние ледников в Гималаях, от которых питается в основном водная система страны, может привести уже в среднесрочной перспективе к долговременной засухе. Бедствия от наводнений, от которых Пакистан особенно пострадал в 2010 г., а затем в меньшей степени в течение ряда последующих лет, могут показаться не слишком губительными по сравнению с теми, что принесет установившаяся надолго засушливая погода.

ПЛЮСЫ И МИНУСЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

На протяжении первых десятилетий самостоятельного существования Пакистан следовал классическим образцам индустриализации, которая осуществлялась за счет эксплуатации деревни в условиях искусственно завышенного валютного курса и защищенного тарифными и нетарифными барьерами внутреннего рынка. С 60-х годов ускорилась техническая модернизация сельскохозяйственной сферы. В следующем десятилетии началась массовая миграция трудовых ресурсов на богатый нефтедолларами Ближний Восток. Наступившая в конце XX в. эра глобализации, открытости национального хозяйства “мировым ветрам” принесла Пакистану как плюсы, так и минусы³.

К позитивным сторонам глобализации можно отнести круто возросшие перечисления средств от пакистанцев, работающих за рубежом. Они стали особенно быстро возрастать с 2000 г. В 2013/14 фин.г. поступления по банковским каналам превысили 14 млрд. долл. США и, как отмечает С.Н. Каменев, “имеют явную тенденцию к дальнейшему росту” [10, с. 200]. Основная часть переводов приходится на тех, кто работает в “ближнем зарубежье”, прежде всего в Саудовской Аравии и других нефтедобывающих арабских странах. За счет сбережений “гастарбайтеров” существенно повысились вложения в недвижимое и движимое имущество в Пакистане (землю, дома, средства сельхозмеханизации, личный автотранспорт). Серьезное увеличение мобильности трудоспособного населения вызвало, по выражению А. Хасана, “незапланированную

социальную революцию” [11]. Дело в том, что от возросшей мобильности выиграли представители низких кастовых (наследственных) профессий – ремесленники и другие неземледельцы, которые легче расставались с деревней и обладали определенными трудовыми навыками, помогавшими найти работу в городских мастерских, фабричном секторе и за рубежом.

Выезду из сел способствовала стремительно распространившаяся тракторизация земледелия, преимущественно пахотных работ. Техническое переоснащение сопровождалось монетизацией, подрывом натуральных, обменно-бартерных связей и почти полным, в основной зоне орошаемого земледелия, разрушением традиционной сельской общины, державшейся на системе отношений, известной в литературе по Индии как *джаджмани*, а по Пакистану (Панджабу) – *сейти*⁴.

В то же время под влиянием глобализации замедлились темпы расширения ориентирующей на самодостаточность индустриальной базы. Построенный в 70–80-х годах с помощью СССР металлургический комбинат полного цикла (близ Карачи) так и остался до сих пор единственным такого рода предприятием. Вслед за металлургией стали буксовать машиностроение, транспортная и энергетическая инфраструктура. Хроническая нехватка электроэнергии превратилась в подлинное бедствие крупных городов, таких как почти 20-миллионный Карачи, десятиллионный Лахор и др. Произошедшее в основном по вине властей запоздание с вводом в действие масштабных гидроэнергетических сооружений тяжело отразилось не только на городской, но и всей производственной инфраструктуре.

Выход из положения Пакистану пока дает та же глобализация. Многие отрасли обрабатывающей промышленности выживают за счет импорта полуфабрикатов, другие ориентированы преимущественно на экспорт. Сложилось своего рода верхний и нижний ярусы экономики. Первый из них, состоящий из технически современных капиталоемких производств, связан с наднациональным, мировым движением капитала и товарообменом; второй, традиционный и полутрадиционный, – с местными товарно-денежными потоками, дополняемыми остатками бартерных связей.

Пакистан довольно активно участвует в мировой торговле и движении капитала. Товарооборот

³ Трактую глобализацию как продукт постиндустриального общества, К.М. Труевцев справедливо разводит это понятие с “интернационализацией”, характерной для индустриальной фазы экономического развития и соответствующего ей типа международных отношений [9, сс. 3, 6-7].

⁴ Система джаджмани (содержание общиной земледельцев штата профессиональных работников) известна в Индии со времен раннего средневековья и сохранялась до XX в. [12, сс. 152-162, 251-260].

(при крупном хроническом дефиците) достиг 70 млрд. долл. и составляет немного более четверти ВВП по официальному обменному курсу. Суммарные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в экономику страны превысили 24 млрд. долл. (65-е место в мире) [13]. При этом приток инвестиций колеблется в широких пределах. В 2014/15 фин.г. он составил 700 млн. долл., что почти на миллиард меньше, чем в предшествующем финансовом году [14]. Пакистанский крупный бизнес вывозит капитал за границу, хотя объемы зарубежных инвестиций невелики (около 1.5 млрд. долл.). Все это свидетельствует о встроенности экономики в глобальные рынки, но, как и для других многонаселенных государств Азии, преобладающее значение для Пакистана имеет внутреннее производство и замкнутый в национальных границах товарообмен [см. подробнее 10, сс. 160-187].

ПАРЛАМЕНТСКО-ВОЕННЫЙ РЕЖИМ

Экономическим ярусам во многом соответствуют политические. На верхнем этаже действует хорошо отлаженный, имеющий давние политические корни и традиции механизм центральной власти [см., например: 15, pp. 86-107]. Его юридические основы закреплены в конституции 1973 г., учредившей парламентскую республику. 20-я поправка к конституции, принятая в 2010 г., вернула ей изначальную суть. До этого в течение длительного времени она была искажена поправками, инициированными военными правителями, путем придания институту президентства главенствующего положения. Правление военных вводилось и отменялось в стране четыре раза, и еще чаще, с учетом полувоенных режимов, менялась степень участия верхушки вооруженных сил, прежде всего сухопутных войск (армии), в управлении страной.

Последний раз армия была близка к абсолютной власти в 1999–2002 гг. По истечении трех лет прямого правления военных режим преобразовался в военно-парламентский во главе с генералом П. Мушаррафом в качестве президента. Кризис режима в 2007–2008 гг. закончился упомянутым выше возвращением к парламентской форме правления. Однако согласие военных на “уход в тень” было обусловлено сохранением за ними функции гарантов стабильности и порядка.

После победы на выборах 2008 г. кабинет министров возглавила Пакистанская народная партия (ПНП), основанная в конце 60-х годов ярким политиком из Синда З.А. Бхутто. Его казнь после военного переворота 1977 г. и гибель в результате теракта второго лидера ПНП, дочери Бхутто Бе-

назир, создали партии ореол гонимой защитницы справедливости. Это не помешало А.А. Зардари, овдовевшему мужу Б. Бхутто, не только находиться в течение пяти лет на посту президента, избираемого голосами парламентариев, но и прослыть одним из самых быстро разбогатевших людей в стране. Поляризация общества за время правления ПНП возросла, а массовое недовольство усилилось. Однако, благодаря способности правительства к компромиссу, удалось избежать возврата к военному правлению.

На выборах 2013 г., как отмечалось выше, уверенно победила ПМЛ во главе с Навазом Шарифом. Казалось, что опытный политический деятель, в третий раз занявший пост премьер-министра, получит, наконец, всю полноту власти. Но, несмотря на уход с поста начальника штаба армии влиятельного генерала А.П. Кияни в отставку и его замену другим выходцем из Панджаба, генералом Рахилом Шарифом (однофамильцем премьера), военная корпорация сохранила за собой явные и тайные рычаги воздействия на политический процесс. Летом и ранней осенью 2014 г. она безучастно смотрела на проведение оппозицией массовых акций протеста. Главный оппонент премьер-министра, лидер *Техрик-е инсаф* (Движения за справедливость, ДС) Имран Хан выступил с обвинениями в грубых нарушениях при проведении выборов и потребовал нового голосования. ДС совместно с Пакистанским народным движением во главе с богословом Т. аль-Кадри окружило официальные здания в Исламабаде толпами манифестантов и парализовало деятельность правительства. Это заставило Н. Шарифа искать защиту у военных.

Власть в стране приобрела после этого, как представляется, полувоенный, парламентско-военный характер. Политика в отношении Индии и Афганистана ныне, судя по всему, “делается” в штаб-квартире сухопутных войск. Особое положение занимает армия и во внутривнутриполитических делах. Причем эта ее роль возросла на гребне войны против террора. Пакистанская армия в июне 2014 г. развернула в горах агентства Северный Вазиристан, на территории пуштунских племен, крупномасштабную операцию под названием “*Зарб-е-азб*” (“Разящий удар, или Меч Пророка”) и объявила об уничтожении к началу осени около 1 тыс. боевиков, входящих, по-видимому, и в “сеть Хаккани”, наиболее дееспособную афганскую группировку, воюющую на стороне талибов. Ввиду отказа военных допустить на место событий журналистов и наблюдателей, трудно проверить точность официальной информации. Скорее всего, боевые отряды нацеленных против

враждебных Кабулу боевиков были вытеснены с потерями на афганскую территорию.

Наиболее серьезный ущерб от армейских операций понесли, видимо, пакистанские талибы – противники Исламабада. Талибские организации в Пакистане возникли под влиянием афганских “собратьев” и серьезно укрепились за последнее десятилетие [16]. Обрушившийся на них армейский удар может объяснить их жесткий ответ в декабре 2014 г. Нападению боевиков подверглась привилегированная школа в Пешаваре, где обучались дети военнослужащих. Число погибших учащихся и их наставников превысило, по официальным данным, 140 человек, а на деле, возможно, было существенно больше. Трагедию в Пешаваре иногда называют “вторым Бесланом”. Реакция пакистанских властей была острой и незамедлительной. Парламент одобрил правительственный План действий против террора, принял поправку к конституции, которая санкционирует учреждение военных судов, пока, правда, временное, на два года. За приговорами военных судов и отменой моратория на смертную казнь последовала волна казней через повешение в обычных и гарнизонных тюрьмах. Это вызвало в основном негативную реакцию в обществе, обеспокоенном ужесточением методов, к которым прибегает власть в борьбе не только с преступниками, но и политическими противниками.

Итак, верхние этажи власти в Пакистане занимает сегодня не только политическая, но и военная элита. Определенную роль в этом тандеме играют корпорация судей, представляющая собой специфическую ветвь госбюрократии, а также лишенное официальной иерархии, особенно в суннитском исламе, сословие богословов (*улемов*) и авторитетных духовных лиц. Характерной особенностью пакистанской политической (партийно-парламентской) элиты является высокая доля выходцев из потомственной земельной и трайбалистской (племенной) аристократии. В литературе по Пакистану их часто называют феодалами, хотя и особого, азиатского типа [17, pp. 12-22]. Во многом через эту феодально-трайбалистскую элиту достигается органичная связь между высшими и низшими этажами политики. Потомственные земельные аристократы и вожди племен, подобно двуликому Янусу, обращены одной стороной к современному образованию, городу и глобальному миру, а другой – к архаике, сельским народным нравам и местным порядкам. Саму по себе такую двойственность нельзя считать чем-то исключительным, но в современном мире она нечасто встречается в таком относительно “неповрежденном” виде, как в Пакистане.

В то же время на нижних этажах политики в последнее время идут процессы, размывающие власть традиционных верхов. В 70-х годах по инициативе правящих кругов началась исламизация (или *реисламизация*) общества. Ислам в результате стал все больше использоваться как основа государственной идеологии и общественной нравственности. Это укрепило позиции разросшегося слоя улемов, а также проповедников фундаменталистского суннитского ислама. Исламские максималисты нередко сочетали проповеди и расправы с шиитами, которых они третируют как *немусульман*, и с отдельными представителями умеренных школ и суфийских орденов. Преследованиям подвергались также пакистанские ахмадийцы (сторонники секты, признанной в стране неисламской), христиане и индуисты⁵.

ПЛАМЯ АФГАНСКОГО КОНФЛИКТА

На рубеже 70–80-х годов Пакистан оказался “обожжен” пламенем гражданской междоусобной войны в Афганистане. От этого в первую очередь пострадали северо-западные и западные области страны, населенные по преимуществу пуштунами (афганцами), этнически родственными основной группе населения соседнего государства. Численность беженцев, осевших в Пакистане, достигла к началу 90-х годов 3.5 млн., а к началу 2000-х годов – 5.3 млн. человек [18]. Их размещение в специальных лагерях, осуществлявшееся властями при посредничестве ООН и благотворительных организаций, нарушило традиционный уклад жизни в трайбалистском поясе страны, где основным занятием продолжало оставаться отгонно-пастбищное скотоводство. Скудные возможности для выживания сократились, вызывая борьбу за пастбища и другие конфликты, которые отчасти загонялись внутрь благодаря сродству веры и обычаев афганских и пакистанских пуштунов.

Обширный пуштунский пояс (порядка 400 тыс. кв.км.) накрепко связал судьбы двух соседних наций-государств, будучи сам разделен границей, которую Кабул не признает легитимной⁶. Связь

⁵ Мусульманское население Пакистана в основном суннитское, принадлежащее к ханафитскому религиозно-правовому толку (мазхабу). Доля шиитов среди мусульман, по оценкам, равна 15–25%. Немусульмане, включая ахмадийцев, составляют 3–4% населения страны.

⁶ Власти Афганистана, несмотря на смену режимов, неизменно подчеркивают, что проведенная англичанами в 1893 г. “линия Дюранда” была навязана силой и разделила “по живому” районы, населенные горными пуштунами. О пуштунском вопросе, серьезно осложняющим отношения между Пакистаном и Афганистаном, см. [1, сс. 35-36].

двух “братьев-близнецов” омрачена не только этим, весьма чувствительным для Исламабада моментом, но и другими взаимными обидами и претензиями.

Рискуя повториться, отметим, что в начале 90-х годов Пакистан, казалось, обеспечил себе преимущественные позиции в Афганистане. Он всеми силами содействовал победе *муджахедов* (исламистов первого призыва) над правительством леводемократического президента М. Наджибуллы. Из Исламабада в Кабул в апреле 1992 г. прибыли лидеры афганских партий, штаб-квартиры которых более десяти лет находились в Пакистане. Как полагали в Исламабаде, муджахеды в знак благодарности урегулируют, наконец, вопрос о границе, одновременно признав Пакистан “старшим братом”. Но между афганцами-победителями началась грызня, переросшая в затяжной кровавый конфликт. Попытки Исламабада примирить их не увенчались успехом. Тогда, как отмечалось выше, он сделал ставку на талибов, военно-политическую группировку, отпочковавшуюся от муджахедов. С 1996 по 2001 г. Пакистан оказывал всемерную поддержку движению Талибан в его борьбе с противниками, состоящими в большинстве из непустунгов – таджиков, узбеков, хазарейцев, аймаков и др. Исламабад признавал (наряду с Саудовской Аравией и ОАЭ) власть талибов над Афганистаном, не считаясь с их крайне негативной международной репутацией.

Все эти “жертвы” были перечеркнуты осенью 2001 г., когда военные власти Пакистана решили поддержать антиталибскую коалицию во главе с США. Положение Пакистана, вновь ставшего партнером Запада по борьбе с силами, господствующими в соседней стране, отличалось на этот раз скрытой двойственностью. Исламабад стремился отделить борьбу с международными террористами в лице Аль-Каиды от действий в отношении талибов. После разгрома основных талибских сил, оказавших лишь слабое сопротивление иностранной коалиции и традиционным противникам-“северянам” (муджахедам по преимуществу непустунского севера страны), талибы “растворились” среди местного населения и ушли через границу в Пакистан.

Учитывая сложившееся там общественное мнение и давние связи талибов с военными, в частности межвойсковой разведкой (*Inter-Service Intelligence*), неудивительно, что им был негласно оказан доброжелательный прием. Талибы обосновались в ряде опорных пунктов вдоль границы – в горной полосе племен и в предгорьях, где они тяготели к провинциальным центрам Кветте и Пешавару. В середине 2000-х годов, опираясь на пакистанский тыл, они перешли к активным наступательным действиям

против вооруженных сил международной коалиции и правительственных афганских войск. Крупное усиление американо-натовской группировки в 2009–2012 гг. заставило талибов прибегнуть к тактике выжидания, проведению партизанских вылазок и периодических терактов. Отступление отрицательно сказалось на силе и единстве Талибан, но не подорвало его окончательно.

Осенью 2014 г. просматривались как наиболее вероятные три сценария развития ситуации в Афганистане [19, сс. 190-198]. Первый из них – благоприятный для кабульского режима и международной безопасности. Сценарий исходил из сохранения сложившейся тогда системы распределения командных ролей между президентом А. Гани и главой исполнительной власти А. Абдуллой. Этот вариант предполагал достаточно стабильное положение в сфере безопасности и улучшение экономического положения в стране.

Чтобы достичь этих целей, президент А. Гани предпринял шаги по установлению эффективного партнерства с правительством и вооруженными силами Пакистана. Его курс сложился под нажимом со стороны Вашингтона и вследствие позитивной оценки Кабулом предпринятых Исламабадом летом 2014 г. упомянутых мер по борьбе с талибами на своей территории. Определенные надежды порождали в Кабуле и заверения Исламабада в поддержке переговорного процесса между афганскими властями и талибами.

Вплоть до лета 2015 г. казалось, что такой курс приносит плоды. Талибы согласились на переговоры с правительством через свое представительство в Катаре и воздерживались от активных боевых операций. Однако затем линия президента стала давать сбои. Переговоры в Катаре были сорваны, возобновились попытки талибов усилить свои позиции на местах. Руководство талибов во главе с муллой Мансуром, скрывавшее в течение более двух лет смерть муллы Омара (легендарного вождя талибов, провозглашенного ими в 1996 г. *амир аль-муминином*, то есть предводителем правверных, или главой всех мусульман) дало команду на активизацию действий. В конце сентября силы талибов окружили и взяли один из ключевых городов севера Афганистана – Кундуз. С большим трудом и при участии остающихся в стране американских военных⁷ город удалось отбить, но в округах и

⁷ Неприятной осечкой для американцев стало нападение их авиации на единственный современный госпиталь в Кундузе, в котором работала известная международная организация “Врачи без границ”. Президенту США Б. Обаме пришлось выразить сожаление в связи с инцидентом, а организации – свернуть свою деятельность в городе.

уездах, прилегающих к нему, талибы сохранили преобладающие позиции. Одновременно началось их наступление на юге, в “родной” для них провинции Гильменд, и других районах расселения пуштунов. Согласно оценкам, на октябрь 2015 г. талибы захватили или оспаривали контроль почти над 20% округов (73 из 398) [20].

Второй из упомянутых выше сценариев – неблагоприятный, предполагающий возврат талибов к власти. В соответствии с ним, бои правительственных сил с талибами должны были начаться (и действительно начались) летом–осенью 2015 г. При этом относительно нормальная мирная жизнь, особенно в крупных городах, по этому прогнозу, должна сохраниться в течение двух-трех лет. Шансы на такой переходный период увеличились в связи с решением администрации США после событий в Кундузе растянуть по времени сроки окончательного вывода своих войск из страны и замедлить темпы сокращения военной и финансовой поддержки нынешнего афганского режима.

По еще одному неблагоприятному сценарию прогнозируется фактический распад Афганистана, талибанизация юга и востока страны, переход западных и центральных ее районов (шиито-хазарейских) под опеку Ирана и укрепление на севере сил, ориентирующихся на государства Центральной Азии (в первую очередь Узбекистан), тот же Иран, Индию и Россию. Реализация такого сценария будет означать углубление геополитического разлома, проходящего по Афганистану, и “заходящего” в определенной мере на Пакистан.

* * *

Последний сценарий представляется в данный момент наиболее вероятным. Для Афганистана он будет означать дальнейшую деградацию общественно-политической и экономической жизни с усилением региональных центров и фрагментацией, наметившейся еще в 90-х годах [21]. При этом верхние этажи власти, опираясь на внешнюю помощь, вероятно, смогут достаточно долго удерживать контроль над крупными городами. Опасность для них возрастет в случае еще большей радикализации исламистской оппозиции. Тревожным сигналом служит отмеченное уже сегодня появление в ее рядах сторонников действующего в Ираке и Сирии (Леванте) Исламского государства (ИГ, или ИГИЛ) [22; 23].

Перспектива “талибанизации” и даже “игилизации” омрачает и будущее Пакистана. Но в отличие от соседа его характеризует выраженная

территориальная неравномерность развития, наличие более продвинутых в хозяйственном (аграрном и индустриальном) и социокультурном плане регионов, прежде всего северного и центрального Панджаба и городского Синда. Опираясь на экономически достаточно развитый центр, пакистанские правящие круги способны удерживать контроль над относительно редконаселенной периферией. Но демографический “всплеск” в окраинных районах вместе с обострением экологических проблем в сельскохозяйственном ареале могут создать в перспективе трудно разрешимые коллизии.

Роль Пакистана в продолжающемся афганском кризисе противоречива. С одной стороны, он выступает как сторона, способная помочь в урегулировании ситуации с безопасностью и укреплении нынешней кабульской власти. А с другой – Пакистан и сам часть зоны небезопасности и роста террористических сил⁸. К этому добавляется двойственность политики правящего гражданско-военного тандема. Одна его часть, связанная с торгово-промышленными кругами, заинтересована в урегулировании споров с Индией, а другая – демонстрирует приверженность силовой политике, добиваясь сохранения военного паритета с экономически более мощным соседом.

В политике России в отношении Пакистана наметились некоторые подвижки. Связи с Пакистаном у СССР и современной России зависели чаще всего от отношений с Индией, ревниво следившей за российско-пакистанскими контактами. В Москве учитывали разницу в масштабе двух соперничающих в регионе государств и отдавали предпочтение Индии как более крупному и близкому “по духу” партнеру. На рубеже двух последних десятилетий Пакистан для России стал выходить из индийской тени, наметилось сотрудничество в четырехугольнике: Россия, Пакистан, Афганистан и Таджикистан. Хотя “малая колесница” оказалась не слишком удачным проектом, двусторонние связи между Москвой и Исламабадом, безусловно, упрочились. В последние годы имели место контакты между руководством военных ведомств, проводились совместные военно-морские маневры, объявлено о продаже Пакистану небольших партий российских вертолетов и истребителей. После более чем

⁸ Война с террористами на территории Пакистана привела к серьезным потерям среди населения страны. По распространенным оценкам, с 2001 по 2013 г. в ней погибли около 50 тыс. пакистанцев, в том числе до 15 тыс. сотрудников сил безопасности (военнослужащих, членов полувоенных формирований, полицейских) [1, с. 45; 24]

40-летнего перерыва в октябре 2015 г. подписан крупный двусторонний договор по сооружению госкорпорацией “Ростех” газопровода, соединяющего Лахор и Карачи [25]. Все это не означает, что Москва стала придавать меньшее значение отношениям с Индией. Летом 2015 г. на саммите в Уфе Россия одобрила вступление Индии и Пакистана в состав полноправных членов ШОС и выразила надежду, что это будет способствовать

улучшению взаимосвязей между ними. Учитывая отмеченную выше сложность ситуации, в которой находится Пакистан, содействие России в его экономическом росте весьма желательно. Оно может опосредованно способствовать смягчению остроты афганского кризиса и ослаблению давления исламского радикализма на Центральную Азию, а также Северный Кавказ и некоторые другие российские регионы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Москаленко В., Топычканов П. *Сила и слабость Пакистана*. Москва, Московский Центр Карнеги, 2013. 73 с. [Moskalenko V., Topychkanov P. *Sila i slabost' Pakistana* [Pakistan's Strength and Weakness]. Moscow, Moscow Carnegie Center, 2013. 73 p.]
2. Наумкин В.В. Проблема цивилизационной идентификации и кризис наций-государств. *Восток (Oriens)*, 2014, № 4, сс. 5-20. [Naumkin V.V. Problema tsivilizatsionnoi identifikatsii i krizis natsii-gosudarstv [The Problem of Civilizational Identity and the Crisis of Nation-states]. *Vostok (Oriens)*, 2014, no. 4, pp. 5-20.]
3. *Pakistan Economic Survey 2014-15. Statistical Appendices: Table 12.1, Table 12.10. Ministry of Finance, Government of Pakistan*. Islamabad, 2015. Available at: www.finance.gov.pk/survey_1415.html (accessed 18.11.2015).
4. Khan A.S. Population Shoots up by 47 Percent since 1998. *The News*, 29.03.2012. Available at: www.thenews.com.pk/Todays-News-13-13514-Population-shoots-up-by-47percent-since-1998 (accessed 11.12.2012).
5. Cox W. Pakistan: Where the Population Bomb Is Exploding. *New Geography*, 07.02.2012. Available at: <http://www.newgeography.com/content/002940-pakistan-where-population-bomb-exploding> (assessed 11.12.2012).
6. Zaman F. Population Census Scrapped Once Again? *Dawn*, 01.09.2015. Available at: www.dawn.com/news/1204103 (accessed 18.11.2015).
7. Белокреницкий В.Я. Демографические параметры и перспективы исламского мира и исламской цивилизации. *Восточная аналитика*, 2014, № 4, сс. 47-54. [Belokrenitskii V.Ya. Demograficheskie parametry i perspektivy islamskogo mira i islamskoi tsivilizatsii [The Demographic Parameters and Prospects of the Islamic World and Islamic Civilization]. *Vostochnaya analitika*, 2014, no. 4, pp. 47-54.]
8. Акимов А.В. Турция, Иран, Афганистан, Пакистан: перспективы демографического перехода и природные ресурсы для жизнеобеспечения и экономического развития. *Мусульманское пространство по периметру границ Кавказа и Центральной Азии*. Москва, ИВ РАН, 2012. сс. 36-43. [Akimov A.V. Turtsiya, Iran, Afgani-stan, Pakistan: perspektivy demograficheskogo perekhoda i prirodnye resursy dlya zhizneobespecheniya i ekonomicheskogo razvitiya [Turkey, Iran, Afghanistan, Pakistan: Prospects of the Demographic Transition and Natural Resources for the Survival and Economic Development]. *Musul'manskoe prostranstvo po perimetru granits Kavkaza i Tsentral'noi Azii* [Muslim Area along the Borders of the Caucasus and Central Asia]. Moscow, IV RAN, 2012. pp. 36-43.]
9. Труевцев К.М. *Глобализация как политический процесс*. Москва, ВШЭ, 2012. 36 с. [Truevtsev K.M. *Globalizatsiya kak politicheskii protsess* [Globalization as a Political Process]. Moscow, HSE Publ., 2012. 36 p.]
10. Каменев С.Н. *Экономическое развитие Пакистана (1947–2012): макроэкономический анализ*. Москва, ИВ РАН, 2014. 384 с. [Kamenev S.N. *Ekonomicheskoe razvitie Pakistana (1947–2012): makroekonomicheskii analiz* [Pakistan's Economic Development (1947–2012): A Macroeconomic Analysis]. Moscow, IV RAN, 2014. 384 p.]
11. Hasan, Arif. *The Unplanned Revolution. Observations on the Processes of Socio-economic Change in Pakistan*. Karachi, Oxford University Press Pakistan, 2012. 307 p.
12. Алаев Л.Б. *Сельская община в Северной Индии*. Москва, Ленанд, 2014. 293 с. [Alaev L.B. *Sel'skaya obshchina v Severnoi Indii* [Rural Community in Northern India]. Moscow, Lenand, 2014. 293 p.]
13. *The World Factbook. Country Comparison. Stock of Direct Foreign Investment – At Home, Abroad*. Available at: <https://cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2198rank.html> (accessed 09.10.2015).
14. 2014–2015: Foreign Direct Investment Shrinks by 58.2%. *The Express Tribune* (Karachi). 16.07.2015. Available at: <http://tribunecom.pk/story/921703/2014-15-foreign-direct-investment-shrinks-by-58-2%> (accessed 25.11.2015).
15. Шаумян Т.Л. *Политические системы стран Южной Азии*. Москва, Красанд, 2014. 175 с. [Shaumyan T.L. *Politicheskie sistemy stran Yuzhnoi Azii* [Political Systems of South Asian countries]. Moscow, Krasand, 2014. 175 p.]

16. Чекризова О.П. *Исламский радикализм и экстремизм в Пакистане в конце XX – начале XXI века*. Москва, ИВ РАН, 2015. 226 с. [Chekrizova O.P. *Islamskii radikalizm i ekstremizm v Pakistane v kontse XX – nachale XXI veka* [Islamic Radicalism and Extremism in Pakistan at the End of the 20th – the Beginning of the 21st Century]. Moscow, IV RAN, 2015. 226 p.]
17. Zaidi, S. Akbar. *Issues in Pakistan's Economy*. Karachi, Oxford University Press Pakistan, 2005. 530 p.
18. *Pakistan. 2015 UNHCR Country Operations Profile. Overview*. Available at: <http://www.unhcr.org/pages/49e487016.html> (accessed 25.11.2015).
19. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана*. Москва, ИВ РАН, 2014. 216 с. [Belokrenitskii V.Ya., Sikoev R.R. *Dvizhenie Taliban i perspektivy Afganistana i Pakistana* [The Taliban Movement and Prospects of Afghanistan and Pakistan]. Moscow, IV RAN, 2014. 216 p.]
20. Roggio B. Taliban Overruns District, Loses Control of 2 Others in the Afhhan North. *The Long War Journal*, October 28, 2015. Available at: www.longwarjournal.org/archives/2015/10/taliban-overruns-district-loses-control-of-2-others-in-afghan-north.php (accessed 27.11.2015).
21. Rubin B. *The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse of the International System*. New Haven, Yale University Press, 1995. 352 p.
22. Akbar A. From TTP to IS: Pakistan's Terror Landscape Evolves. *Dawn*, May 17, 2015. Available at: www.dawn.com/news/1169542 (accessed 18.11.2015).
23. Pesence of IS Militants. *Dawn*, May 26, 2015. Available at: www.dawn.com/news/1184205 (accessed 18.11.2015).
24. Shah, Aqil. *The Army and Democracy. Military Politics in Pakistan*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 2014. 416 p.
25. Каменев С.Н. *Российско-пакистанское сотрудничество: сегодня и завтра*. [Kamenev S.N. *Rossiysko-pakistanskoye sotrudnichestvo: segodnya i zavtra* [Russia–Pakistan Cooperation: Today and Tomorrow]] Available at: <http://www.iimes.ru/cat=13> (accessed 27.10.2015).

PAKISTAN AND THE AFGHAN CRISIS

(World Economy and International Relations, 2016, vol. 60, no. 3, pp. 83-91)

Recieved 09.11.2015.

*BELOKRENTSKII Vyacheslav Yakovlevich (enitsky@yandex.ru),
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031,
Russian Federation.*

The author highlights an almost unprecedented growth of Pakistan's population. He believes that the population census of 2011, unfinished due to some home policy reasons, gives a true picture of the demographic upsurge encompassing primarily north-western and western periphery of Pakistan. The population explosion results in the six-fold increase in less than 70 years averaging 3% annually. This phenomenon combined with ecological problems worsening in the Indus basin, which constitutes the heartland of the country, augurs not well for the future. At the present stage of globalization, Pakistan experiences the increasing out-migration of labor force, mainly to the Middle East. The rapid growth of private transfers from abroad amounting to almost a half of the export earnings can be considered an asset for the economy. The negative side of globalization is revealed in the slowing pace of industrial development due to low internal demand. Investments in the energy sector and infrastructure were lagging behind because the ruling political-cum-military circles neglected them. The author distinguishes between the upper crust of politics and its lower tier. The latter is dominated by the landed (feudal) aristocracy and tribal chiefs. Their power in the vast semi-desert areas to the west from the Indus basin is being now challenged by Islamic militants of different shades and sects. The spread of Islamists is traced to the influence of the long Afghan civil war on Pakistan. Analyzing the today's Afghan crisis the author considers three scenarios, one of which is favorable for the present regime in Afghanistan while the other two are unfavorable envisaging the return of the Taliban to power or the actual fragmentation of Afghanistan. The last scenario foresees the talibanization of Afghanistan's South and East, with its West and central part tilting towards Iran, North – towards Central Asia, and a generally unpredictable interplay of Islamic and counter-Islamic forces and factions throughout the country. The author refers to the economic cooperation between Pakistan and Russia as a factor, which can contribute to Pakistan's and indirectly Afghanistan's progress and stability.

Keywords: Pakistan, demographic upsurge, globalization, parliamentary-cum-military regime, Afghanistan, Taliban, Islamic State (ISIS).

About author:

BELOKRENTSKII Vyacheslav Yakovlevich, Cand. Sci (Economics), Dr. Sci (History), Professor, Deputy Director.